

М. В. Александрова

**Мемуарное повествование крестьянина И. Юрова
в контексте взаимодействия индивидуального опыта и массовой культуры**

Выполнено по гранту Российского научного фонда 14-18-01833

Статья посвящена исследованию ранее не публиковавшегося текста воспоминаний вологодского крестьянина Ивана Юрова, охватывающих период 1887–1935 гг. Анализ текста автобиографии выявляет специфику и механизмы взаимодействия массового и индивидуального сознания в контексте презентации персонального опыта представителя российского крестьянства в мемуарном повествовании. В качестве фактора, повлиявшего на содержание и характер повествования И. Юрова, рассматривается массовая литература, занимавшая важное место в развитии его личности. На основе текста воспоминаний исследуется представленный в ретроспективе процесс трансформации индивидуального сознания автора под влиянием смены тенденций массовой культуры в переломную эпоху конца XIX – первой половины XX в. Раскрываются стилевые приемы мемуарного повествования, определяемые культурным слоем, сформированным феноменами массовой культуры: популярными изданиями религиозного содержания, газетной публицистикой и пропагандистской литературой начала XX в., художественной прозой. Выявляются особенности авторской рефлексии художественных произведений и публицистики, свидетельствующие о доверии автора «книжной реальности», восприятию массовой литературы как источника речевых эталонов, моделей поведения и нравственных идеалов.

Ключевые слова: мемуарная проза, массовая культура, индивидуальное сознание, художественная литература, публицистика, крестьянство, Вологодская губерния.

M. V. Aleksandrova

**The Memoirs of Peasant I. Yurov in the Context of Interaction
of Individual Experience and Popular Culture**

The article investigates the unpublished memoirs written by peasant Ivan Yurov from Vologda and describes the period 1887–1935. The text analysis reveals the specificity and mechanisms of interaction between mass and individual consciousnesses in the personal experience of Russian peasantry presented in the autobiographical narrative. Mass literature considered as a factor influencing the content and style of this narrative. The article investigated the process of transformation of the author's individual consciousness influenced by the changing trends of mass culture in the late XIX – the first half of the XX centuries. The article disclosed the author's style tricks which defined a cultural layer formed by the phenomena of mass culture: popular religious publications, newspaper articles and propaganda of the beginning of the XX century, fiction. The article identifies the specificity of the author's reflection of mass literature, demonstrating the perception of popular literature as a source of speech standards, behaviour models and moral ideals.

Keywords: memoirs, mass culture, individual consciousness, fiction, journalism, the peasantry, the Vologda Region.

Проблема индивидуальной рефлексии феноменов массовой культуры неизменно остается актуальной на протяжении последнего столетия. Субъектом и объектом массовой культуры выступает общество, но именно частный случай, свидетельство «от первого лица», позволяет проследить механизмы взаимодействия массового и индивидуального сознания в контексте персонального опыта.

Значительный интерес в этом отношении представляют документальные источники личного происхождения – дневники, мемуары, автобиографии. Не являясь продуктом массовой культуры, мемуарная проза, с той или иной степенью осознанности, вступает в диалог с массовым сознанием, которое во многом определяет и характер мемуарного повествования. При этом особенно показательны свидетельства переломных эпох, демонстрирующие трансформацию тенденций массовой культуры, а главное, отражение этого процесса в индивидуальном сознании мемуариста.

Именно таким документом выступает рукопись вологодского крестьянина Ивана Юрова, описавшего по-

лувековой опыт своей жизни. Воспоминания написаны в 1930-е гг. и включают 25 рукописных тетрадей, являясь уникальным источником для культурологического и историко-краеведческого исследования. За исключением шести коротких отрывков, текст воспоминаний ранее не публиковался и впервые становится предметом научного изучения.

Рукопись Ивана Юрова, озаглавленная «История моей жизни», точнее всего соответствует жанру автобиографии, для которого характерны нарративность и позиционирование личности в центре рассказа. Сюжет строится вокруг судьбы автора или, по крайней мере, в связи с его персоной, социально-политические же события выступают здесь лишь контекстом, а не предметом повествования. При этом персона отражает интенции не просто массового сознания, но определенный срез массовой культуры той эпохи, когда само понятие о массовой культуре применительно к России не рассматривалось – первым десятилетиям XX в., и той среде, которая также была чужда этому представлению, – крестьянской.

Между тем контекст повествования крайне важен и необычен. Автор описывает повседневный быт своей малой родины – деревни Нюксеницы Великоустюгского уезда Вологодской губернии, затрагивая проблемы ломки крестьянского уклада, создания коммун и колхозов. При этом жизнь автора не ограничивается пределами родного края. Родившись в 1887 г., он стал свидетелем бурной эпохи и на своем веку попробовал множество занятий и профессий.

Отправившись «отходником» в Петербург, Юров вернулся на родину пешком через три губернии. В годы Первой мировой войны оказался в плену, а после революции заведовал сельской избой-читальней, был директором совхоза, а затем создал одну из первых крестьянских коммун на русском Севере. Не раз начиная жизнь «с нуля», Юров знакомился с бытом крестьян в Запорожье и Сибири, руководил строительством льнозавода в Костромской области, работал в Ярославле и Архангельске.

Мы полагаем, что биография Ивана Юрова вполне могла бы стать основой художественного произведения. Однако автор, скорее всего, такой задачи не ставил, по крайней мере, на ее решение не намекал. В отличие от известных крестьянских автобиографий, он не стремится ни к дотошной историчности повествования, как, например, ростовский крестьянин-краевед Александр Артынов [1], ни к художественному бытоописанию, как сибиряк Григорий Гребенщиков [8], ни к трансляции мировоззренческой концепции – как вологодский крестьянин-революционер Николай Ключев [9, с. 124].

Юров, казалось бы, не претендует на внимание массового читателя: «Под читателями я подразумеваю лишь своих сыновей... Считаю не лишним оговорить, что я при своей малограмотности не мню себя мемуаристом, я просто старался восстановить и записать свои воспоминания сколь возможно точно» [10].

Тем не менее, стремление к «художественности» (в его понимании – доступности, отчасти занимательности) текста пронизывает все повествование. Нет оснований утверждать, что данная рукопись является подражанием конкретному литературному образцу, но апелляция к массовой культуре эпохи в тексте очевидна.

В тематике и стилистике повествования отражен культурный багаж крестьянина-интеллигента, где главную роль играют художественная литература и публицистика. Получив образование в церковно-приходской школе, Юров ценит чтение как привилегию, воспринимает литературный язык как речевой эталон.

Книги как продукт массовой культуры выступают для Юрова инструментом самоидентификации, формируют его мировоззрение в большей степени, нежели традиции крестьянской среды и опыт практической деятельности. Юров дистанцируется от проявлений народной культуры (к примеру, обличает народные обряды и суеверия), стремится следовать почерпнутым из книг идеалам, преобразовать в соответствии с ними окружающую действительность. В исследуемом тексте, выступающем презентацией жизненного пути автора,

явственно отражаются проявления массового сознания, присутствие эпохи и меняющиеся вместе с ней.

Круг чтения Юрова, меняясь на разных этапах жизни, во многом определялся стихийно и редко выходил за рамки популярной литературы. Одним из важнейших культурных феноменов, повлиявшим на особенности мемуарного повествования Юрова, выступает церковно-богослужебная литература и, в особенности популярная литература религиозного содержания.

Священная история, доминировавшая в программе сельских школ, во многом определяла культурный минимум и кругозор грамотного крестьянина рубежа XIX–XX вв. Текст воспоминаний Юрова пронизан апелляциями к общеизвестным в народной среде библейским сюжетам. При этом вплоть до XX столетия крестьянин и даже сельский священник черпали сведения о христианском учении не из подлинных церковных книг – «деревенская Русь довольствовалась обычно пересказами “для народа”, адаптированными, упрощенными изданиями» [7, с. 10].

По свидетельству Юрова, наиболее популярным чтением в крестьянской среде выступали переложения житий святых – один из традиционных жанров лубочной литературы. Подобную картину отражали и сообщения вологодских корреспондентов Этнографического бюро на рубеже XIX–XX вв. Так, в Тотемском уезде жития святых и поучительно-нравственные сочинения явно преобладали в домашних библиотеках крестьян. В деревнях Вологодского уезда духовная литература составила около трети имевшихся у крестьян книг, а «все остальные виды чтения были представлены довольно случайным набором». Корреспондент из Пошехонского уезда Ярославской губернии отмечал, что при чтении религиозно-нравственных книг как взрослых, так и детей интересовали «главным образом, чудеса, подвиги и строгость жизни различных святых и деятельность их на пользу ближних» [4, с. 190–191].

О влиянии житийной литературы на развитие личности автора свидетельствуют его детские попытки тайно совершать «добрые дела», сбежать из дома и жить отшельником, подобно Ивану Кушнику. Более того, даже став убежденным атеистом, в своих воспоминаниях Юров не отказывается от обращений к культурному слою, сформированному религиозным воспитанием.

Описываемые события он часто соотносит со значимыми датами православного календаря: «в начале 1912 г., в ночь на Крещение, у нас родился сын». Образы, почерпнутые из церковной литературы, служат для Юрова одним из характерных способов достижения «художественности» повествования: «я замер, как жена Лота» и т. п. Описывая первый приезд в Петербург, Юров передает ошеломление юного провинциала: «Этот шумный, грохочущий город с несметным количеством роскошно одетых, праздничношающих людей напомнил мне библейский Вавилон и меня охватила жуть: а вдруг гнев господень разразится над этим городом как раз сейчас?»

Цитаты из Священной истории автор чаще использует в ироническом ключе: сельский сход называет

«синедрионом», а говоря о невозможности развода, замечает, что «право расторжения браков было тогда предоставлено лишь апостолу Петру». Однако, критикуя «душеспасительные» книги с позиции атеиста, Юров неосознанно заимствует проблематику религиозной литературы и уделяет значительное внимание морально-этическим мотивам поступков, темам справедливости, покаяния, служения высокой идее.

Заметное влияние оказали на текст Юрова и образцы газетной публицистики первой половины XX в. Работая в Петербурге, автор интересуется статьями на социальные темы и даже посылает заметку в «маленькую вечернюю газету», вступая в полемику с журналистом.

В тексте воспоминаний встречаются газетные клише, выражения, заимствованные из фельетонов. Крестьянское восстание Юров именует «Вандеей», демобилизованного земляка – «героем Порт-Артура», врача – «эскулапом». При этом, в зависимости от затрагиваемых в воспоминаниях тем, слог повествования колеблется от обличительных и саркастичных интонаций дореволюционной либеральной прессы до триумфальной патетики советских передовиц.

Произведения художественной литературы, начиная с прочитанных в детстве авантюрных повестей и исторических романов («Овод» Э. Л. Войнич, «Спартак» Р. Джованьоли), также вызвали у Юрова читательский интерес. Он признается, что «запоем читал художественную литературу», «нередко думал: что если бы мне уметь так писать книги!»

Однако, упоминая об увлечении творчеством Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, Максима Горького, Юров на удивление редко обращается к их наследию в тексте воспоминаний. При этом, как и в случае с Библией, он подразумевает общеизвестность цитируемых сюжетов. Так, о разделе имущества он говорит: «У нас вышло похоже, как у Некрасова со старым хомутом».

В повествовании Юрова фактически отсутствуют художественные описания – портрет, пейзаж, интерьер. Вместе с тем, художественная выразительность достигается за счет акцентирования деталей-символов: «слоноподобный диван» как атрибут мешанства, «накрашенные губы» как характеристика «пустой» девушки. Невольная антипатия к побочному сыну выражается через описание животных черт его лица.

«Историю моей жизни» Ивана Юрова можно сопоставить с жанром «романа воспитания»: охватывая период от рождения до зрелости, автор концентрируется на процессе становления личности. С «романом воспитания» текст сближает и глубокий психологизм в отражении ряда сюжетов, несколько контрастирующий с общей деловой манерой повествования.

Так, обращаясь к событиям Первой мировой войны, Юров изображает боевые действия с позиции неопытного призывника-крестьянина, остающегося в плену слухов и не понимающего скрытой за приказами начальства картины войны. При описании собственной свадьбы Юров сосредоточен на бытовых деталях и скуп на эмоции, но, обращаясь к любовному треуголь-

нику, сложившемуся в его жизни, красноречиво передает душевные страдания запугавшегося человека.

В воспоминаниях Юров сообщает: «Поэзию я не понимал и почти никогда не читал». Однако рукопись включает его собственные стихи, написанные в германском плену как способ изложения «бесконечных дум». Автор подчеркивает, что «наваяны они не музой» и форму стиха он избрал «для краткости». Это, впрочем, не мешает ему воспринимать данные стихи как литературные произведения: редактировать их, посылать для публикации в газету.

Из произведений художественной литературы Юров черпает, в первую очередь, темы и идеи. Круг таких проблем акцентируется самим автором: говоря о стихах Некрасова, он подчеркивает: «Они выражали нечто близкое мне, не то что «Евгений Онегин». Помимо крестьянской доли, важнейшее место для Юрова-читателя занимают мотивы революционной борьбы, построения нового общества, которые он проецирует на свой жизненный опыт.

В этом отношении художественная литература в восприятии Юрова фактически сближается с пропагандистскими изданиями революционной направленности, составлявшими значительный пласт массовой культуры начала XX в. Проблематика и риторика «запрещенной литературы», оказавшей огромное влияние на личность автора, находит отражение и на страницах воспоминаний.

Отраженное в тексте рукописи мировоззрение Ивана Юрова наивно, как сказали бы в период его жизни, – оно во многом идеалистично и зачастую демонстрирует полное доверие «книжной реальности». В юности он искренне удивлен и разочарован, когда его близкий товарищ, арестованный за антиправительственную агитацию, на суде проявляет малодушие и ведет себя не так, как «революционеры», про которых Иван «читывал» в книгах.

Подобное доверие к опыту массовой литературы автор испытывает и в зрелые годы. При этом особенное значение в литературном багаже Юрова приобрела проза Ф. В. Гладкова, широко известного массовому читателю по роману «Цемент». Во многом под влиянием статьи Гладкова «Оазис будущего» [3], критиковавшейся современниками за чрезмерную идеализацию крестьянского быта [6], Юров создает в Ньюсенце крестьянскую коммуну, но впоследствии разочаровывается в односельчанах.

Размышляя о «новом человеке», он признается: «Я хотел бы, например, быть хоть немного похожим на Мухина из рассказа Гладкова “Головоногий человек”, но, увы, я не обладал мужеством». Образ Мухина – директора фабрики, преданного идеалам партии, противостоящего «приспособленцам» [2], не случайно оказался близок Юрову, занимавшему на рубеже 1920–1930-х гг. ряд руководящих должностей. В тексте воспоминаний автор акцентирует собственные поступки и чувства, сходные с поведением Мухина в рассказе. Подобно героям Гладкова, Юров подвергает глубокой рефлексии личные отношения в коллективе, выражает

нетерпимость к коллегам, предающим, по его мнению, идею «нового общества».

Следуя эталонам, во многом почерпнутым из массовой литературы начала XX в. и произведений соцреализма, Юров неизбежно сталкивается с разочарованиями: «В книгах и газетах я читал о новых людях, а встречать в жизни, в действительности мне не посчастливилось». Однако в целом, анализируя пройденный путь, Юров не подвергает свои «книжные» идеалы сомнению, констатируя лишь несовершенство подлежащих перевоспитанию «обыкновенных людей» и выражая уверенность: внуки будут жить «той светлой жизнью, о которой я всю жизнь мечтал».

Библиографический список

1. Воспоминания крестьянина села Угодичь Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова с предисловием А. А. Титова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yar-genealogy.ru/0327.php> (дата обращения 28.08.2014).
2. Гладков, Ф. В. Головоногий человек [Текст] / Ф. Гладков. – М., 1928. – 60 с.
3. Гладков, Ф. В. Оазис будущего [Текст] / Ф. Гладков // Известия. – 1928. – 25, 27 марта (№ 72, 73).
4. Громько, М. М. Мир русской деревни [Текст] / М. М. Громько. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 269 с.
5. Маяковский, В. В. Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы [Текст] / В. Маяковский // Комсомольская правда. – 1928. – 3 июля (№ 152).
6. Некрылова, А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома [Текст] / Анна Некрылова. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 768 с.
7. Полякова, Т. А. Автобиографическая повесть Г. Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь»: от реального факта к художественному вымыслу [Текст] / Т. А. Полякова // Филологос. – 2009. – Вып. 5. – С. 195–204.

8. Пономарева, Т. А. Проза Николая Ключева 20-х годов [Текст] / Т. А. Пономарева. – М.: Прометей, 1999. – 136 с.

9. Юров, И. Я. История моей жизни [Рукопись]. 1933–1935¹.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vospominaniya krest'janina sela Ugodich' Jaroslavskoj gubernii Rostovskogo uезда Aleksandra Artynova s predislovиеm A. A. Titova [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.yar-genealogy.ru/0327.php> (data obrashhenija 28.08.2014).
2. Gladkov, F. V. Golovonogij chelovek [Tekst] / F. Gladkov. – M., 1928. – 60 s.
3. Gladkov, F. V. Oazis budushhego [Tekst] / F. Gladkov // Izvestija. – 1928. – 25, 27 marta (№ 72, 73).
4. Gromyko, M. M. Mir russkoj derevni [Tekst] / M. M. Gromyko. – M.: Molodaja gvardija, 1991. – 269 s.
5. Majakovskij, V. V. Rabotnikam stiha i prozy, na leto edushhim v kolhozy [Tekst] / V. Majakovskij // Komsomol'skaja pravda. – 1928. – 3 ijulja (№ 152).
6. Nekrylova, A. F. Russkij tradicionnyj kalendar' na kazhdyj den' i dlja kazhdogo doma [Tekst] / Anna Nekrylova. – SPb.: Azbuka-klassika, 2007. – 768 s.
7. Poljakova, T. A. Avtobiograficheskaja povest' G. D. Grebenshchikova «Egorkina zhizn'»: ot real'nogo fakta k hudozhestvennomu vymyslu [Tekst] / T. A. Poljakova // Filologos. – 2009. – Vyp. 5. – S. 195–204.
8. Ponomareva, T. A. Proza Nikolaja Kljueva 20-h godov [Tekst] / T. A. Ponomareva. – M.: Prometej, 1999. – 136 s.
9. Jurov, I. Ja. Istorija moej zhizni [Rukopis']. 1933–1935.

¹ Текст воспоминаний Ивана Юрова цитируется по рукописи, перепечатанной сыном автора в 1970-е гг., с сохранением орфографии и пунктуации источника.